

Обличение

Слово «обличение», как правило, употребляется в смысле «публично позорить, посрамлять», но все же в первую очередь оно означает «обнаруживать, делать явным». Надо ли обличать повсеместное равнодушие к истине, эту нравственную энтропию, уравнивающую добро и зло? Надо! Надо ли бороться с этим явлением? Надо! Людей нельзя лишать возможности знать истину, а потому лжи надо противостоять, ее надо разоблачать. Но при этом следует не забывать слов Спасителя, сказанных братьям Зеведеевым в ответ на их желание испепелить самарян за то, что они не приняли Его: «не знаете, какого вы духа» (Лк. 9; 55). Иначе, противостоя одной лжи, будем созидать другую.

Конечно, «кровооточащее сердце» должно быть у любого живого христианина, тем более пастыря. Полагаю, что именно оно и подвигает возвышать голос в защиту Православия. Но предметом переживания для нас должны являться как те, кто внутри Церкви, так и «овцы не сего двора» (Ин. 10; 16). И когда раздается голос, возмущенный какой-либо неправдой, голос обличительный, это сразу настораживает. Потому что каждый человек носит в себе массу обиды, которая балансирует на грани критической. Одна искра и... Причем обиды разные. Житейские в основном. И стоит сконцентрировать внимание на одном из многих источников страданий – вся ярость изольется в этом направлении. Тогда люди как взбудоражатся, да как начнут «полоскать» правительство, народ какой-нибудь или чье-нибудь вероисповедание, свое или чужое священноначалие и т.д.!.. Тут пастырям ох, как нелегко бывает обратить их от «кипения возмущенного разума» к созидательному труду над своей душой (т.е. к "единому на потребу"), да еще параллельно (учитывая ситуацию в Эстонии) настраивать их на стойкость в борьбе за внутренний суверенитет Церкви.

Борьба без ненависти и озлобления – «высший пилотаж»! Опыт показывает, что в значительной мере это все же осуществимо. Тем более, что, когда сердце кипит страстями, правильное решение принять трудно, а то и просто невозможно.

Другая сторона вопроса: миссионерская. Это касается и тех, кто крещен, но не воцерковлен, и тех, кто еще и не крещен, и даже принадлежит к иным вероисповеданиям. Разумеется, в первую очередь заботиться надо о тех, кто уже «в ограде», но в то же время нельзя пренебрегать и теми – «внешними». А это значит, что все меры, направленные на пробуждение ревности духовной в «своих», не должны отпугивать «чужих», оскорблять их, унижать. Апостол Павел, оказавшись в Афинах, будучи возмущен множеством идолов, не лукавит, называя афинян «как бы особенно набожными» (Деян. 17; 22), да и то остается с ним один лишь Дионисий Ареопагит.

Приведу в пример случай из практики. В конце прошлого века проводил я в одной школе систематические занятия для педагогов. Собирались раз в две недели. И вот во время одного из таких занятий, когда я увлеченно рассказывал о том, что человек, в Бога не верующий, не может считаться умным в строгом смысле слова, так как ум его непросвещен, пуст, лишен самого главного – благодати Божией; что воображающий о себе интеллеktуал-атеист – на самом деле **полоумный**, что значит **пустой** (полый) **ум**... Ну и т.д. И вот одна женщина, с явной печатью скорби на лице, начинает меня расспрашивать о загробной участи тех, кто умер, не приняв крещения, не придя к вере. Я что-то начинаю объяснять о том, что хорошего мало, но один Бог ведает судьбы этих людей. Ссылаюсь на ап. Павла (о том, что язычники судятся по закону совести (Рим. 2; 12 – 15)). Тогда она сужает вопрос: «А если этот человек всю жизнь боролся с Богом, с Церковью?». Я начинаю объяснять про то, что каждый человек сам делает свой выбор, но всегда есть надежда, ибо мы не знаем, как мыслил он о Боге перед самой своей кончиной, кем себя сознавал. И тут меня осенило: «Вы про Н.

спрашиваете?». (Был у нас такой лектор-атеист. Скончался незадолго до описываемых событий от рака; крестил своих детей, сам же не успел, так как не мог решить для себя вопрос конфессиональной принадлежности.) Она говорит: «Да». «Вы его родственница?» «Я – его жена». Надо было видеть ее лицо – лицо, растерзанной горем женщины... Я, разумеется, продолжил объяснять, разобрал различные варианты. Не покривил душой нисколько. Но если и говорил о том, что душе его сейчас нелегко, то именно настраивая ее на надежду, стараясь вывести ее из оцепененного уныния. И очень осторожно излагал то, что должно было ее огорчить. Только в меру необходимого. Я со стыдом вспоминал все лихие «виражи» в процессе изложения темы (которые хотя тему-то раскрывали хорошо, но должны были очень больно ранить эту женщину), и без которых вполне можно было бы обойтись, пожертвовав лишь некой «пряностью» изложения. Тогда я для себя сделал вывод, что **обличать нужно так, как если бы при этом присутствовал близкий этому обличаемому человек – невинный, нами уважаемый и любимый, которого мы ни в коем случае не хотим огорчить, и которому больно слышать что-либо плохое в адрес того, кого мы обличаем. Не обличать – человекоугодие, не учитывать чувств этого близкого и неповинного человека – жестокость. Истина – посередине.**

Иногда в качестве оправдания грубости и жестокости, горемиссионеры приводят в пример святых Древней Церкви. Однако первое, что следует иметь в виду: мученики, преподобные и другие святые обличали мир о грехе и звали в спасительный ковчег Церкви Христовой всех, желающих спастись. Для того и в выражениях не стеснялись, и идолов колотили, чтобы растормошить язычников, чтобы показать им, что вся их вера – не более, чем суеверие: смотрите, что ваш кусок дерева может? – Да ничего! И язычники видели, что, действительно, нет силы у этого мнимого «бога», раз «атеист» (как называли язычники христиан в те времена) разбивает их истукана, оставаясь невредимым – никакого грома и молнии... Этот радикальный

метод – лучшее **тогдашнее** средство в борьбе с суевериями. Причем, что показательно, именно этот метод приняли на вооружение богоборцы большевики, когда принуждали народ к кощунству.

Пример из жизни. В колхозном клубе активисты убеждают молодежь танцевать на сцене. А клуб – недавняя церковь. Сцена – бывший алтарь. Рассказчица, женщина с детства воспитанная в обычных для России традициях благоговения перед святыней, вспоминала как они поначалу боялись: а ну как развернется под ними земля и поглотит... Но активист настойчив был, и девушки поначалу робко, как бы пробуя воду ногой, стали выходить на сцену, притоптывать, приплясывать... *Ой, а и точно ничего! Прав, стало быть, активист!..*

Вера этих девушек была не просто слаба или неглубока. Она была на уровне суеверия, потому что страх перед последствиями, перед наказанием (физическим) за грех, за нарушение, того или иного правила (будь то заповеди, будь то приметы или суеверные обычаи) – это основная сила, движущая суеверным человеком. Даже истинное Богопочитание, если основывается на суеверном восприятии Бога – «колосс на глиняных ногах». Убери страх наказания – и веры как не бывало...

Поэтому в борьбе с доминирующим язычеством – это вполне оправданный метод. Только с одной поправкой: трах! ломом по идолу – это лишь первая часть. За ней следовала вторая – свидетельство веры на суде (в древности допрос без пытки – не допрос), и, как правило, мученическая кончина.

Не говоря уже о множестве чудес, для язычников свидетельством веры их обличителей была та благодатная сила, которая через них с избытком изливалась. Было очевидно, что эти люди знают что-то или Кого-то, ради чего (ради Кого) не жалко и жизнью пожертвовать. Да и не то, что не жалко, а в радость. Радость они свидетельствовали о Распятом и Воскресшем Господе Иисусе Христе – Спасителе мира. Радость истинную, такую, которую не даст никто и ничто в этой жизни.

Вот в свете этой небесной радости и проявлялась (обличалась, становилась видимой) суетность мира сего, пустота язычества. Этот свет и вдохновлял на покаяние и крестное следование за Христом, сквозь какие бы тернии Он бы ни повел в Свое Царство.